Дела и имущество Комиссии были переданы «Обществу содействия начальному народному образованию в Воронежской губернии», устав которого был утвержден в Министерстве внутренних дел 19 мая 1902 года и включал в себя среди прочих задач «устройство народных чтений в городе Воронеже и в уездных городах и селениях, а также продажу и отпуск в пользование световых картин и «волшебных» фонарей» [6]. В первый же год своей деятельности Общество организовало чтения в Александровском женском, а также 1-м, 3-м и 4-м приходских училищах Воронежа. Кроме этого, световые картины рассылались в 185 пунктов губернии и в местные комитеты Попечительства о народной трезвости. Интерес горожан к народным чтениям Общества был огромен, и четыре аудитории не вмещали всех желающих. Так, инспектор народных училищ Воронежского уезда Бораковский в одной из своих жалоб на чрезмерную активность и самостоятельность Общества писал, что «уличная публика, не попавшая в помещение 3-го приходского училища, стараясь смотреть на картины через окна, выдавливает стекла, а охрана городскими не достигает цели» [5]. Стараясь охватить всех желающих посещать чтения, Общество в 1904 году ходатайствует о разрешении устраивать их в помещении Реального училища и Коммерческой части Юго-Восточной железной дороги. При этом практически во всех учебных заведениях Воронежа по воскресным и праздничным дням велись народные чтения по инициативе учителей.

Таким образом, к началу XX века народные чтения в Воронежской губернии становятся едва ли самой популярной формой внешкольного образования. Заслуга в их распространении в Воронеже и уездах губернии принадлежала в основном общественным организациям и частной инициативе.

1. Вахтеров, В.П. Народные чтения / В.П. Вахтеров. – СПб., 1897. – 209 с.
2. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф.И.-20. Оп. 1. Д. 2013. Л. 1, 26.
3. ГАВО. Ф.И.-20. Оп. 1. Д. 2817. Л. 24–28.
4. ГАВО. Ф.И.-64. Оп. 1. Д. 426. Л. 97, Л. 206.
5. ГАВО. Ф.И.-64. Оп. 1. Д. 454. Л. 34
6. ГАВО. Ф.И.-64. Оп. 1. Д. 478. Л. 33.
7. Дон. – 1894. – 6 сентября. – С. 3.
8. Дон. – 1895. – 14 марта. – С. 3.
9. Дон. – 1895. – 14 сентября. – С. 3.
10. Ежегодник внешкольного образования. Вып. 1 / под ред. В. И. Чарнолуского. – М., 1907. – 306 с.
11. Отчет о деятельности Воронежской Комиссии народных чтений за 1895– 96 годы. – Воронеж, 1896. – 90 с.
12. Памятная книжка Воронежской губернии. 1902 год. – Воронеж, 1902. – 492 с.
13. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 15 (1897–1898 гг.). – СПб., 1902.

Филонов А.А.

**Лесное хозяйство в Кугужлоярской лесной даче Царевококшайского уезда
Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX веков**

*Марийский государственный университет
(Россия, Йошкар-Ола)*

doi: 10.18411/lj-09-2020-63

idsp: ljjournal-09-2020-63

Аннотация

В статье характеризуется развитие лесного хозяйства в Кугужлоярской казенной даче Царевококшайского уезда во второй половине XIX – начале XX веков. Обращается внимание на условия произрастания здесь древесных пород, проведение лесоустроительных работ, специфику использования и защиты лесных ресурсов,

динамику доходности лесного хозяйства и другие основополагающие аспекты лесного дела.

Ключевые слова: лесное хозяйство, Кугужлоярская лесная дача, лесоустройство, лесосека, оборот рубки, лесоматериалы, лесовозобновление.

Abstract

The article describes the development of forestry in Kuguzhloyarsky forest area of the Tsarevokokshaysky County in the second half of XIX – the beginning of the XX centuries. Attention is drawn to the growing conditions of tree species here, forest management, the specifics of the use and protection of forest resources, the dynamics of forest profitability and other fundamental aspects of forestry.

Keywords: forestry, Kuguzhloyarsky forest area, forest management, cutting area, felling rotation, timber, reforestation.

В настоящее время человечество столкнулось с глобальными экологическими проблемами. Их возникновение связано, в том числе и с сокращением площади лесов, их истреблением, которое, начавшись много лет тому назад, продолжается и по сей день. В связи с этим обращение к историческому опыту развития лесного хозяйства различных регионов России, в частности Республики Марий Эл, выглядит вполне обоснованным. Изучение истории лесов даст возможность лучше понять их современное состояние и принять обоснованные решения по их сохранению. В данной статье рассматривается состояние лесного хозяйства в Кугужлоярской казенной лесной даче во второй половине XIX – начале XX веков. В рассматриваемый период она располагалась в северо-восточной части Царевококшайского уезда на границе с Уржумским уездом Вятской губернии. Ближайшими к даче населенными пунктами являлись деревни Шоръял, Нурумбал, Чукша, Ядыксола, Шордур Моркинской волости и ряд деревень Себеусадской волости. В 8 верстах от дачи было расположено село Морки, в котором находилась квартира лесничего. До конца XIX в. Кугужлоярская дача входила в состав 2-го Царевококшайского лесничества. В 1897 г. в результате структурных изменений она оказалась в составе Мушеранского лесничества Царевококшайского уезда [3, л. 1; 8, с. 47, 50]. В настоящее время дача составляет северную часть Моркинского лесничества Моркинского района Республики Марий Эл.

В 1861 г. Кугужлоярская дача стала объектом лесоустройства. В это же время она была включена в одну хозяйственную часть, разделенную на 14 кварталов. Их число во время проведения ревизионных работ 1875–1878 гг. было увеличено в 2 раза и составило 28 кварталов. По данным этой ревизии лесоустройства общая площадь дачи составляла 13454,80 десятин, в том числе 13300,80 дес. лесной почвы, из которой 11977,80 дес. (90,1%) занимали сосна и ель, 1314,00 дес. (9,8%) – береза, осина и липа, а 9,00 дес. (0,1%) находилось под горелым лесом, буреломом и безлесными прогалинами. Поверхность дачи была холмистая с общим склоном местности к востоку и к югу. Здесь преобладала плотная суглинистая свежая почва с глинистой, а местами каменистой подпочвой, со слоем перегнойной толщиной до 2 вершков с покровом из мха и травы. В ряде кварталов почва была супесчаная, глубокая и свежая с песчаной подпочвой, тонким слоем перегнойной и с моховым покровом. Кроме того, встречались небольшие участки с сухой песчаной почвой по возвышенностям или сырого перегнойной с глиной – по низинам и по дну оврагов [1, л. 4 об.– 6 об., 18 об.].

Для главного пользования на 1879–1902 гг. в даче было установлено выборочное хозяйство для заготовки соснового и елового бруса на площади по 199,63 дес. ежегодно, а всего на 4791,10 дес. (199,63 дес. × 24). Для промежуточного пользования отводилась выборка липы на мочало с территории по 73,87 дес. в год; уборка сухостоя в течение 10-летнего периода; заготовка валежного леса, осмола и по 200 куб. саж. хвороста; выборка для удовлетворения нужд крестьян в поделочном лесе по 50 осин, 50

берез и 200 дубов ежегодно. В действительности же заготовка бруса, по сведениям лесничего, производилась только с 1888 г. Всего за 15 лет, то есть до 1902 г., были произведены вырубki на площади 3196,80 дес. и оказалось разработано 50612 штук сосны и 26388 штук ели, а всего 77 тыс. брусковых деревьев. Таким образом, оказалось недорублено 1594,30 дес. Такой же недоруб получился и по выборке липы, которой за 24 года подлежала площадь 1772,90 дес. (73,87 дес. $\times$ 24), а в действительности было вырублено 1580,30 дес., то есть на 192,60 дес. меньше запланированного [1, л. 18 об.–19; 5, с. 36; 8, с. 126].

Результатом ведения такого выборочного хозяйства стало изреживание хвойных насаждений в местах заготовки бруса местами до 0,5 полноты, образование редины площадью 40,30 дес., а также значительное уменьшение числа «перестойных» деревьев. Рубкой сырорастущего леса в 1878–1902 гг. была затронута площадь в 4777,10 дес., то есть почти треть лесной почвы. Но все-таки главный состав насаждений в прежних выборочных участках площадью 3196,80 дес., благодаря большому количеству приспевающих деревьев и елового подроста, остался сомкнутым. Для облесения образовавшихся от выборочной рубки прогалин планом 1878 г. не предполагалось никаких мер. Только в 1901 г. в виде опыта на местах выборки липы был произведен посев дубовых желудей на площади 69,80 дес. [1, л. 10, 20].

В 1902 г. во время проведения очередной ревизии лесоустройства площадь дачи была исчислена в 13462,10 дес., в том числе 13304,50 дес. лесной почвы, 72,00 дес. угодий и 85,60 дес. неудобной земли. Разница в 7,30 дес. по сравнению с данными 1875–1878 гг. объясняется прежним ошибочным вычислением площадей некоторых кварталов [1, л. 4–4 об.].

В структурном отношении в 1902 г. дача была поделена уже на 59 кварталов. Из всей покрытой лесом площади 88% было занято хвойными насаждениями, в том числе с преобладанием ели – 66% и сосны – 22%. Небольшую примесь в еловом лесу составляли пихта, липа, осина, береза, сосна и дуб с подлеском из крушины, липы и орешника. Сосновые насаждения состояли преимущественно из 70% сосны, 20% ели и 10% березы или осины. Рост ели и сосны в даче наблюдался достаточно медленный. Так, в возрасте до 100 лет толщина их обычно не превышала 5–6 вершков, а в 160-летнем возрасте – 9–11 вершков при высоте дерева до 15 саженей. Не теряя технической ценности древесины, сосна могла находиться на корне до 300 и более лет, но, в виду значительного уменьшения прироста древесины, было нерационально держать сосну на корне дольше 160 лет. Пихта, произрастающая, главным образом, примесью в еловых насаждениях, отличалась более быстрым ростом, чем ель и в 160 лет достигала толщины до 12 вершков на высоте груди. Для пихты это был возраст естественной спелости, так как большинство деревьев старше 160 лет «или уже опрокинуты ветром или же с сердцевинной гнилью и предназначены на скорую гибель» [1, л. 10 об.–11; 8, с. 59].

В лиственном лесу, занимавшем всего 12% лесной почвы дачи, имелось 7% участков с преобладанием березы, 3% – осины и 2% – липы. В березовых насаждениях, расположенных, главным образом, в северной и западной частях дачи насчитывалось 60% березы, 20% осины, 10% ели и 10% сосны и липы. Береза в возрасте 80 лет достигала толщины не более 5–6 вершков при высоте дерева до 10 саженей. Осинные участки располагались небольшими площадями среди других насаждений только в кварталах 32, 33, 47 по 50,00 дес. в каждом из них и состояли из смеси 50% осины, 20% ели, 10% березы, 10% сосны и 10% липы. Осина в 80-летнем возрасте достигала толщины 6–7 вершков и высоты до 11–12 саженей. Насаждения с господством липы произрастали только в юго-восточной половине дачи и включали около 60% липы, 20% ели и пихты, 10% дуба и 10% клена, осины и березы. Липа в 80 лет достигала толщины 5–6 вершков на высоте груди и высоты до 9 саженей. В этом возрасте она была пригодна для удовлетворения спроса местного крестьянского населения на мочало. В возрасте более 120 лет у липы распространялась сердцевинная гниль. С преобладанием дуба в даче была небольшая

территория площадью всего 9,80 дес. В 160-летнем возрасте его толщина составляла 9–10 вершков при высоте дерева до 10 сажень. Древесина дуба использовалась для выделки ободьев, колес, полозьев и других поделок, а также на дрова [1, л. 8–9, 11–11 об.; 7, с. 252].

В 1902 г. в даче вместо прежнего выборочного хозяйства было назначено ведение высокоствольного хозяйства с системой рубок сплошными лесосеками, ширина которых в хвойных насаждениях составляла не более 25 сажень, а в лиственных – 50 сажень. Оборот рубки для сосны, ели и дуба был установлен 160-летний, а для лиственных пород деревьев – 80-летний. Именно в этом возрасте сосна и ель достигали размеров, необходимых для выделки бруса, пользовавшегося спросом на отдаленных рынках сбыта. Дуб в этом возрасте был пригоден для употребления на местных рынках. Величина годичной нормальной лесосеки для сосны, ели и дуба определялась путем деления площади, занятой этими древесными породами, на оборот рубки, и составляла 72,46 дес. (11594,10 дес. / 160), а для лиственных пород деревьев – 20,74 дес. (1658,90 дес. / 80). Вследствие преобладания в даче деревьев старших классов возрастов к ежегодной главной вырубке была назначена лесосека, возможная по состоянию насаждений, площадь которой для сосны, ели и дуба составила 175,24 дес. (10514,30 дес. / 60) и для лиственных древесных пород – 41,31 дес. (1652,20 дес. / 40), а всего по 216,55 дес. в год. Направление рубки было установлено с востока на запад [1, л. 1, 21; 7, с. 252; 8, с. 59].

В 1902 г. на предстоящий ревизионный период, который должен был продолжаться до 1913 г., устанавливалась следующая очередность главной рубки: в первую очередь попали кварталы 2, 13, 23, 32, 37, 46, 54, во вторую – 1, 12, 22, 36, 45, 53, 59; в третью – 6, 11, 21, 31, 35, 44, 52, 58, в четвертую – 5, 9, 10, 20, 30, 34, 43, 51; в пятую – 4, 17, 19, 29, 41, 42, 50, 57; в шестую – 3, 8, 16, 28, 40, 49, 56; в седьмую – 15, 18, 25, 27, 39, 48; в восьмую – 7, 14, 24, 26, 33, 38, 47, 55. При этом сначала в рубку поступали кварталы I и V очередей, затем – II и VI очередей, после этого – III и VII очередей и в последнюю – IV и VIII очередей [1, л. 2, 24 об.].

Помимо вышеупомянутого главного пользования в Кугужлоярской даче Мушераанского лесничества на 1903–1912 гг. были запланированы также промежуточные пользования, целью которых являлось не столько получение дохода, сколько создание благоприятных условий для роста наиболее ценным древесным породам. Из таких пользований в даче была назначена выборка около 9500 штук перестойных сосен, елей и дубов толщиной 14 и более вершков на высоте груди; уборка около 30850 куб. саж. сухостоя и валежника, годного к сбыту; вырубка подчиненной примеси липы в хвойных и дубовых насаждениях на площади 3703,30 дес.; выборка до 3000 дубов толщиной 10 вершков, а также 3000 осин толщиной 8 вершков и более на высоте груди для удовлетворения местного спроса на поделочный материал; удаление малоценного леса в количестве около 1165 куб. саж. на площади 49,70 дес. [8, с. 79]. Планом хозяйства 1902 г. в даче назначалось естественное лесовозобновление реди и прогалин. В случае его низкой эффективности планировалось искусственное восстановление на вырубках сосны, ели, дуба и липы. Из побочных пользований на предстоящий период разрешался сбор лесных плодов, мха, песка, камня, охота и пастба скота. Последняя допускалась только с пастухом из-за перехода к сплошным рубкам леса и производства на них лесокультурных работ [1, л. 27–28].

Что касается охраны и защиты лесных ресурсов Кугужлоярской дачи, то в начале XX в. ее осуществляли один объездчик и семь лесников, для проживания которых здесь имелось четыре казенных дома. Денежное содержание объездчика составляло 965 руб. в год. Лесники в зависимости от величины обхода и условий работы получали жалованье от 94 руб. до 235 руб. в год. Также лесная стража пользовалась служебными землями площадью 23,30 десятин. Средняя величина обхода в даче составляла 1923,00 десятин. В ходе ревизионных работ 1902 г. предписывалось для более эффективной защиты лесных

массивов прибавить к имевшемуся числу лесной стражи еще одного лесника. Эта необходимость подтверждалась и значительным количеством самовольных порубок, совершавшихся в даче. В 1899–1901 гг. в среднем здесь было зафиксировано по 90 таких случаев с ущербом для казны по 217 руб. 49 коп. в год. Лесных пожаров в 1899 и 1900 гг. не было отмечено, а в 1901 г. произошло два пожара, в ходе которых пострадало 0,55 дес. с ущербом в 95 коп. [1, л. 2, 17 об.–18].

Для Кугужоярской дачи основными рынками сбыта заготавливаемого леса и лесоматериалов являлись приволжские города Царицын и Астрахань, куда отправлялся только крупный строевой лес брусковых размеров. Покупателями леса на отдаленные рынки являлись преимущественно крупные лесопромышленники, заготавливавшие для сплава еловый и сосновый брус длиной 9 аршин и толщиной 8 вершков. Весь лесосплав концентрировался на бассейне реки Илеть, являвшейся притоком Волги. Но так как сама Илеть протекала в 25 верстах от юго-восточной границы дачи, то требовалась гужевая доставка леса на 10 верст до лесной пристани около д. Татарской Кушни на реке Ировка, по которой сплав до Илети на расстояние 15 верст был возможен только «молью», т.е. россыпью. Затем лесосплав по Илети до Волги велся на расстоянии около 150 верст. Второстепенными рынками сбыта леса из дачи являлись местные крестьянские селения, куда отправлялся как средний, так и мелкий строевой и поделочный лес, а также все лиственные породы деревьев. Для удовлетворения местного спроса в поделочном материале было достаточно годичного отпуска из дачи дубов и осин, из которых крестьяне производили колеса, полозья, ободья, лопаты, корыта и другие изделия. Свои потребности в топливе крестьян удовлетворяли из остатков от заготовки бруса или из сухостойного и буреломного леса. Свою роль в потреблении леса играли и владельцы небольших смолокурных заводов, которых в 1902 г. насчитывалось в даче 38 штук. Для их работы ежегодно использовалось до 2000 куб. саж. топлива [1, л. 15–16; 6, с. 86; 8, с. 179–180].

В рассматриваемый период в Кугужоярской даче наблюдалось повышение доходности лесного хозяйства. В среднем в 1864–1876 гг. от использования лесных ресурсов здесь в кассу ежегодно поступало по 1860 руб. 34 коп. [1, л. 10]. Валовой доход с дачи в 1884 г. составлял 2275 руб., в 1885 г. – 2522 руб., в 1886 г. – 4317 руб. [4, с. 92–93]. В 1897 г. была произведена выборочная рубка леса на площади 163,30 дес. В результате заготовили 1703 сосны, 2432 ели, 110 дубов и 80 осин. Также велась выборка липы на площади 83,04 дес. И сухостойного леса было заготовлено 649 бревен, 77 жердей, 171,33 куб. саж. дров, 5,62 куб. саж. хвороста. Всего за проданный лес было выручено 6861 руб. 02 коп. С учетом других поступлений, в частности от побочных пользований и смолокурных заводов, валовой доход дачи выразился в сумме 8123 руб. 19 коп. В 1898 г. этот показатель составил 9727 руб. 43 коп., в 1899 г. – 40209 руб. 28 коп., в 1900 г. – 13449 руб. 39 коп., в 1901 г. – 29160 руб. или в среднем за пятилетие по 20134 руб. 26 коп. ежегодно [1, л. 17–17 об.]. В 1913 г. из дачи было отпущено 5170,3 куб. саж. растущего леса и 4161,1 куб. саж. сухостойного и валежного леса. Валовой доход от дачи составил 32701 руб. 83 коп. [2, л. 25 об.–26]. Таким образом, в течение 1864–1913 гг., т.е. практически за 50 лет, доходность лесного хозяйства в Кугужоярской даче увеличилась с 1860 руб. 34 коп. до 32701 руб. 83 коп. или более чем в 17 раз. При всех имевшихся колебаниях за отдельные годы, этот показатель выглядит более чем внушительным, что было вызвано не только ростом объемов лесоразработок, но и значительным увеличением с течением времени стоимости деловой и топливной древесины на рынках страны.

В целом местные почвенные и климатические условия способствовали произрастанию древесных пород в Кугужоярской лесной даче Царевококшайского уезда. По распространенности здесь наблюдалось значительное преобладание хвойных насаждений над лиственными. В даче периодически проводились лесоустроительные и ревизионные работы, в ходе которых разрабатывались основные принципы развития лесного хозяйства, определялись виды и объемы лесопользования и лесовозобновления. Лесозащитные меры, предпринимаемые местными специалистами в области лесного дела, в

целом обеспечили сохранность лесов Кугужлоярской дачи. В то же время они были недостаточными, что являлось следствием малочисленности лесной стражи и обширной площади охраняемых ею объездов и обходов. Это приводило к значительному количеству крестьянских самовольных порубок леса. В рассматриваемый период в даче наблюдался рост доходности лесного хозяйства. Разрабатываемый здесь лес предназначался, главным образом, для отправки на отдаленные рынки сбыта, в роли которых выступали преимущественно приволжские города.

1. Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГА РМЭ). Ф. 154. Оп. 1. Д. 39.
2. ГА РМЭ. Ф. 154. Оп. 1. Д. 41.
3. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 324. Оп. 733. Д. 140.
4. Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып. 5. Уезд Царевококшайский. Казань, 1887.
5. Филонов А.А. Использование лесного фонда Царевококшайского уезда Казанской губернии казенным и удельным ведомствами во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. № 1 (45). С. 31–39.
6. Филонов А.А. К вопросу о вывозе леса из Царевококшайского уезда во второй половине XIX – начале XX вв. // Города Среднего Поволжья: история и современность (к 430-летию города Йошкар-Олы): сборник статей II межрегиональной научно-практической конференции (г. Йошкар-Ола, 22–23 мая 2014 г.) / отв. ред. А.Г. Иванов. Йошкар-Ола, 2014. С. 81–89.
7. Филонов А.А. К вопросу о лесоустроительных работах в Царевококшайском уезде во второй половине XIX – начале XX вв. // Марийский архивный ежегодник. 2014. Вып. 14. С. 251–258.
8. Филонов А.А. Очерки по истории лесного хозяйства Марийского края второй половины XIX – начала XX веков. Йошкар-Ола, 2014.